

М.Ю. Барбашин

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ «БЛУМИНГТОНСКОЙ ШКОЛЫ» И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА*

В статье анализируются институциональные процессы формирования научной Блумингтонской школы за последнюю четверть века, которая тесно связана с концептуальным и методологическим наследием Элинор Остром, а также работами ее коллег и учеников. Автор подчеркивает значимость неoinституциональной методологии в современной социологической мысли, в исследованиях социальных дилемм, общих ресурсов, коллективных действий и идентичности. По мнению автора, исследования Блумингтонской школы попытались предложить решение проблемы социально-экономического развития традиционных сообществ в стабильности в условиях социетальной неопределенности, используя неoinституциональную методологию. Дальнейшее методологическое развитие Блумингтонской школы автор связывает с конкретизацией определений социальных дилемм и общих ресурсов, изучением проблем как устойчивости, так и распада институтов, и их трансформации из динамического равновесия с позитивными гнездовыми экстерналиями в девиантное неравновесие.

Ключевые слова: *неoinституционализм, Блумингтонская школа, социальные институты, общие ресурсы, социальные дилеммы, Э. Остром.*

Неoinституционализм — это совместное порождение социологической и социально-психологической мысли послепарсоновского периода в развитии западных социальных наук и математического аппарата теории игр, адаптированного экономистами в 1930–1950-е гг. для анализа процессов формирования и развития рациональности и таких рациональных форм самоорганизации, как

* Посвящается памяти Лины Остром, которая ввела меня в сложный и красивый мир институциональных паттернов во время научных стажировок в университете Индианы (Блумингтон, США) в 2004–2005 и 2007 гг.

Статья подготовлена при поддержке грантов Президента РФ по программе Государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК — 1412.2013.6) и РФФИ №13-06-00834.

Барбашин Максим Юрьевич — доктор социологических наук, заведующий сектором Южнороссийского филиала Института социологии РАН (barbm@yandex.ru).

Barbashin Maksim — Doctor of Sociology, Chair, Ethnic Sociology Sector, South Russian Branch, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (barbm@yandex.ru)

нормы и институты в обществе. Неоинституционалисты традиционно подчеркивают роль нематериальных факторов в социальных процессах. Это социологическое направление основывается на предположениях, что общество состоит из рациональных интеракций, происходящих в институциональном контексте и образующих зоны «локальной уверенности».

В разработке неоинституциональной методологии одним из лидирующих направлений является «Блумингтонская школа» лауреата Нобелевской премии в области экономики за 2009 г. Э. Остром (ее работы были отмечены более чем 50 научными наградами, включая почетные профессорства, дипломы, премии, медали и пр.) и ее сотрудников и учеников (Капелюшников 2010: 12–15). Это довольно условное обозначение группы исследователей, которые образовательными, научными и / или методологическими узами так или иначе соединены с Элинор Остром.

Блумингтонская школа — одна из немногих научных школ, возникших в социальных науках за последнюю четверть века. В качестве примера другой действующей школы можно привести чикагскую, хотя уже третье-четвертое поколение ее исследователей занимается в основном анализом работ своих великих предшественников (Fine, Gusfield 1995).

На развитие Блумингтонской школы практически не влияет тот факт, что большая часть ее исследователей проживает за пределами города Блумингтона в штате Индиана (США), где, собственно, школа первоначально и возникла. Для приверженцев Блумингтонской школы характерными институциональными признаками являются, прежде всего, «естественноисторическая» научная связь с «Центром анализа политики и политической теории» (Элинор Остром возглавляла его вплоть до июня 2012 г.)*. Этот центр был основан в 1973 г. для совместной работы аспирантов, профессоров и приглашенных научных специалистов в максимально расширенном исследовательском поле. Научно-организационное участие в работе центра подразумевает подготовку общих сборников, работу в ежегодных осенних и весенних конференциях, семинарах, рабочих группах и пр. Ключевым принципом научной работы является диверсификация методологий и проблем. Семинары Блумингтонской школы регулярно посещают специалисты в области географии, психологии, медицины, антропологии, генетики, юриспруденции, экономики, а также всех социальных и гуманитарных наук.

Э. Остром была убеждена в необходимости приведения мира социальных отношений в гармонию. Пространство видимого хаоса и общественной неэффективности она предлагала трансформировать с помощью институциональных паттернов. Гуманистические и эстетические убеждения Э. Остром напрямую влияли на ее концептуальную позицию по поводу переноса на окружающую реальность идеальных паттернов бихевиоральных взаимодействий, созданных в результате институционального моделирования и лабораторных эксперимен-

* После смерти Элинор Остром 12 июня 2012 г. Центр получил официальное название The Vincent and Elinor Ostrom Workshop in Political Theory and Policy Analysis.

тов. Не удивительно, что исследования Блумингтонской школы практически сразу нашли практическое отражение в деятельности американских городских служб (Ostrom et al. 1973), в имплементации принципов институционального ресурсного менеджмента в работу административных подразделений ООН и национальных министерств, ответственных за использование природных ресурсов и экономическое развитие в развивающихся странах (Кения, Зимбабве, Индия, Непал, Китай, Нигерия, Филиппины, Мексика, Индонезия, Пакистан, Бангладеш и др.).

Блумингтонская школа основывается на нескольких базовых методологических принципах. Характерным является комплексный подход от постановки гипотезы до разработки мер по практической имплементации теоретических положений. Глубинное социально-историческое, антропологическое, социологическое и экономическое «сквозное видение» нацелено на определенный подкласс социальной реальности — институциональную реальность. Как своеобразная «подкладка» для мира социальных интеракций институциональная реальность структурирует действия индивидов в определенные паттерны с четкой логикой развития, продуцированием социального доверия и капитала. Только зная «невидимый» спектр социальной реальности, можно влиять на «видимые» общественные процессы (конфликты, процессы истощения ресурсов, девиантность и пр.).

В некоторых случаях институциональные паттерны приводят к появлению социальных дилемм. Среди них выделяют дилеммы демократии (Ostrom 1985a: 412–16), общих ресурсов (одной из вариаций ресурсных дилемм является «нефтяное проклятие» (Шербак 2007), экологии (Ostrom 2008a: 3573–76), развития («дилемма самаритянина» (Ostrom 2005a), «безбилетника» (Guttman 1982: 357–366), «заключенного» (Cole and Grossman 2010: 219–31) и т. п. Социальные дилеммы также классифицируются исследователями как симметричные и ассиметричные (Ostrom et al. 2013: 496–512).

Как сами дилеммы, так и их конкретные имплементации в социальной реальности являются предметом неoinституционального анализа, который должен обнаружить «спрятанные институты» и раскрыть их позитивный потенциал для сообществ. Если институты отсутствуют, на основе анализа партикулярной специфики предполагается сконструировать и предложить сообществам наиболее оптимальные, с точки зрения неoinституционалистов, правила поведения по отношению к конкретному общему ресурсу.

Хотя ключевым элементом методологического каркаса Блумингтонской школы является неoinституционализм, в полидисциплинарном методологическом пространстве комплексного и всестороннего изучения институциональной реальности свои когнитивные ниши заняли несколько общественных, гуманитарных и даже естественнонаучных направлений. Это антропология (McGinnis 2005), биология (Agrawal and Ostrom 2006: 681–82), бихевиоризм (Ostrom 2001: 21–41), климатология (McGinnis and Ostrom 1992: 45–85), политология (McGinnis and Williams 2001), социология (исследования процессов формирования норм, социального капитала и доверия) (Ostrom and Ahn 2002: 8–56), теория игр (Ahn et al. 2001: 357–77), теория коллективных действий

(Janssen et al. 2010: 155–66), теория рационального выбора (Ostrom 1999: 35–71), экономическая теория (Ostrom 2012a: 51–65), экология (устойчивость социально-экологических систем) (Ostrom 2008b: 249–252), урбанистика (Ostrom 1985b: 69–72), юриспруденция (Ostrom 2000: 332–79) и пр.

Умение легко комбинировать теоретические посылки и методологии из самых разных областей социального, гуманитарного и естественнонаучного знания, а также осознанное соединение теоретических исследований с лабораторными экспериментами (Janssen et al. 2010: 613–17) — отличительный признак современного неонинституционализма, который в российских научно-дисциплинарных институциональных условиях фактически невозможно втиснуть в прокрустово ложе «паспортов специальностей» и требований диссертационных советов.

Для изучения взаимодействия институтов с социальной, экономической и экологической средой неонинституционалисты часто предлагают терминологические новации, создавая новые обозначения для институциональных процессов и выстраивая соответствующий методологический инструментарий. В необходимых случаях комбинируются новые методологические конструкты. За прошедшие десятилетия существования Блумингтонской школы ее исследователями и их коллегами из смежных областей были предложены: IAD анализ (подход институционального анализа и развития) (Ostrom 2011: 7-27), институциональное интегральное моделирование (Ostrom et al. 2002: 135–50), диагностический метод (Ostrom 2007: 15181–15187), институциональное картографирование (Paul 2006: 79–90), фрейминг-анализ (Poteete 2012: 134–150), мультишкалирование (Ostrom 2010a: 27–36), полицентричный подход (Ostrom 2009a), SES Framework (институциональная модель анализа социально-экологических систем) (Ostrom 2009b: 419–22) и пр.

Придерживаясь утилитаристского и гуманистического стремления использовать достижения социальных наук на пользу общества, неонинституционалисты применяют глубинные описательные методы, заимствованные из социальных и антропологических наук, которые можно назвать «социально-статистическими». Используя финансовую поддержку основных американских фондов (в условиях системных сложностей получения финансирования исследований со стороны руководства университета Индианы), Э. Остром и ее коллеги провели большое количество case study в самых различных уголках мира (Австралии, Боливии, Бангладеш, Индии, Мексике, Непале, Нигерии, Польше и др.). Проанализировав множество не урегулированных социально-экологических конфликтов и деградирующих социально-природных комплексов в государствах Азии, Африки, Латинской Америки, неонинституционалисты конкретизировали ключевую социальную ресурсную дилемму, возникновение которой необходимо избегать. Это ситуация, когда члены локального сообщества не могут и / или не хотят договариваться по поводу эффективного использования общего ресурса, чтобы не допустить его деградации или истощения. Таким ресурсом могут быть любые биологические виды (Ostrom and Hess 2006: 335–49), леса (Ghate et al. 2013: 59–67), реки (Myint 2012), ирригационные системы (Singleton and Taylor 1992: 309–324), подземные воды (Blomquist and

Ostrom 2008: 180–202), луга (Netting 1981), рыбные ресурсы (Ostrom and Schlager 1993: 13–41), охотничьи угодья (Beckerman and Valentine 1996: 659–661), земля (Agrawal 2003: 243–262), открытое городское пространство (Colding 2011: 101–124), зеленые насаждения (Barthel et al. 2010: 255–265), газоны и паркинги (Rabinowitz 2012: 302–318) и пр.

«Социальные дилеммы возникают тогда, когда в ситуациях взаимозависимости индивиды сталкиваются с выбором, при котором максимизация каждым из них своего краткосрочного интереса приводит к результатам, оставляющим всех в худшем положении, чем это было бы при иных возможных вариантах поведения» (Ostrom 1998). В современной неинституциональной терминологии социальные дилеммы можно определить как обусловленные общественным развитием социальные ситуации, в которых скорость накопления институционального капитала равна или меньше скорости разрушения социетальных связей и образования институциональных дефектов. Иными словами, это социальные ситуации, существующий в которых уровень социального доверия является недостаточным, а институты неэффективны, чтобы побудить действующих агентов отказаться от сверхэксплуатации и заняться восстановлением общего ресурса.

Критичность негативных экстерналий, продуцируемых социальными дилеммами, определяется несколькими институциональными особенностями. С одной стороны, это отсутствие или слабость социального доверия, слабость горизонтальных межличностных контактов, неэффективность внутреннего мониторинга. С другой стороны, для социальных дилемм характерны рыночно выстроенная рационализация поведения отдельных или всех социальных агентов. Она особенно присуща ситуациям, когда ресурсоориентированный оппортунизм не является легко верифицируемым по последствиям и четко идентифицируемым по субъектному составу: если отсутствует анонимность, то неконтролируемого использования общих ресурсов обычно не происходит. Неконтролируемого использования ресурсов также не происходит в случае институциональной гомогенности, которая понижает естественную склонность людей к оппортунизму. Схожие паттерны создают институциональное пространство, оказывающее социализационное давление и побуждающее социальных агентов адаптировать поведение в контексте социальных ожиданий. И наоборот, институциональная гетерогенность повышает вероятность оппортунизма. Социальные агенты будут действовать как адвокаты, которые используют ситуационную вариативность и потенциальную возможность переоценки и стараются «защепиться» за любую двусмысленность, предоставляемую нечеткими и размытыми формулировками.

Социальные дилеммы возникают особенно часто, когда в традиционное институциональное пространство встраиваются институты рыночного развития, либо когда в рыночном институциональном пространстве у локального сообщества актуализируется социетальная потребность в выработке экономных правил пользования общим ресурсом, характерных для традиционного социума.

Индивидуальный эгоизм социальных агентов и их нежелание и / или неготовность совместно заботиться об имплицитно принадлежащей им собствен-

ности сопровождаются деградацией социально-природных систем и ростом социально-психологической аномии. Формируется своеобразный «социальный цугцванг»: любые односторонние действия социальных агентов приводят к дальнейшему разрушению горизонтальных связей между ними. Негативные институциональные паттерны замыкаются: чем ниже уровень социального доверия, тем сложнее отказаться от индивидуального оппортунизма, господство которого в бихевиоральных стратегиях социальных агентов еще сильнее понижает социальное доверие. Вместо институтов сотрудничества доминируют институты эгоизма. Естественным результатом становится негативное «равновесие Нэша» (Myerson 1999: 1283–308): пока единственной мотивацией игроков является эгоизм, они не прекратят экстенсивное использование общих ресурсов до их полного разрушения или истощения.

Неоинституционалисты отказались от индивидуального солипсизма: поскольку в некоторых сообществах социальные агенты все-таки смогли договориться по поводу охраны, мониторинга и передачи друг другу индивидуальных прав на использование общих ресурсов, проблема заключается не в конкретных социальных действиях и / или эгоистичном отношении отдельных индивидов (Барбашин 2012а: 171–176). Сложности носят институциональный характер: необходимые институты или не побуждают социальных агентов следить за сохранностью общего ресурса, или вообще отсутствуют, что провоцирует оппортунистское поведение даже у первоначально экологически, социально и альтруистически ориентированных индивидов.

В случае практической невозможности разграничения прав социальных агентов на общий ресурс очевидным выходом, предлагаемым современной экономической наукой, является приватизация. Рыночная логика подразумевает, что рациональный индивид постоянно участвует в конкурентной гонке за общие ресурсы. Другие члены сообщества для него — соперники, и если не он первым воспользуется общим ресурсом с эгоистическими целями (выведет на общее пастбище дополнительную корову, выловит дополнительное количество рыбы, вырубит еще одно дерево и пр.), то вместо него это рано или поздно сделают другие социальные агенты. В этой системе экономических предположений общественная жизнь представляется как своеобразный «марафон», где в «гонке к финишной прямой» в качестве инструментов используются мошенничество, оппортунизм, несоблюдение взятых на себя контрактных обязательств и т. п. Более того, институциональные рамки социальных ожиданий по сверхиспользованию ресурса могут сами по себе спровоцировать ресурсное истощение: если социальный агент убежден в эгоистичности окружающих его индивидов, естественным и рациональным решением выглядит «игра на опережение».

Либеральные экономисты исходят из преимущества рынка над любой нерыночной формой организации экономических отношений, и указывают, что необходимо на законодательном уровне определить права собственности (Де Сото 2004), а также обеспечить их государственную защищенность. Дальше собственник устанавливает правила использования ресурса для потребителей, находясь под государственным антимонопольным, потребительским, санитар-

ным и техническим контролем. Собственник должен за счет ренты, извлекаемой из ресурса, обеспечить его сохранность или продать другому экономическому агенту, который сможет рациональнее и с большей прибылью использовать ресурс. Формализация отношений собственности приводит к укреплению правовых и социальных институтов, необходимых для долгосрочных инвестиций, капитализации активов и экономического роста.

Неоинституционалисты выдвигают несколько возражений.

Во-первых, в традиционных социумах фактически ограничен или даже отсутствует доступ к современной правовой, страховой, банковской и государственной инфраструктуре. Низкая степень монетизированности традиционной экономики, ее социокультурная погруженность в бартерные и неформальные отношения патримониального характера не позволяют четко зафиксировать институты частной собственности в общественных отношениях. Формализация прав собственности имеет смысл, если можно взять кредиты с низкой процентной ставкой, существуют специализированные юридические, консалтинговые, страховые и финансовые институты и права собственности признаются другими экономическими субъектами. Иначе говоря, для формализации собственности нужно, чтобы существовали рыночные институты, которые делают эту формализацию возможной (Барбашин 2011).

Во-вторых, в традиционном социуме права и обязанности представляют собой синкретичную институциональную целостность, для разрушения которой конкретизации прав собственности недостаточно. В традиционной общине право собственности является составной частью пакета институциональных соглашений, куда входят и подразумеваемое использование общим ресурсом, и коллективная ответственность, и взаимные социальные обязательства перед соседями по сообществу, вплоть до необходимости соблюдения общих праздников и совместных похорон умерших родственников. Э. Остром (Ostrom 2003: 149–157) приводит удачный пример структурирования коллективных неформальных норм и традиционных прав собственности. В небольшой рыбацкой деревне на юге Шри-Ланки рыбаки разделили право на добычу рыбы между собой в зависимости от дня недели и точного места: ловить можно было либо на скалах, либо в гавани. Система постоянной ротации участков ловли снизила поводы для конфликтов между отдельными рыбаками и даже стала способствовать их взаимной кооперации. Рыночные преобразования в виде свободной продажи прав на вылов рыбы в строго определенном участке побережья в строго определенные дни фактически являются бессмысленными: если нет помощи со стороны других рыбаков, то справиться с установкой сетей сложно. Такая сделка по купле / продаже и вовлечению нового участника в рыбную ловлю не завершится, если нет согласия со стороны остальных рыбаков.

В-третьих, жесткий и прямой перенос рыночной логики (в традициях скорее XVI–XIX вв., а не современного капитализма) в локальный социум с традиционной ментальностью и соответствующим укладом жизни не вполне оправдан. В системе рыночной аргументации социальные агенты взаимодействуют по поводу общего ресурса в некоем примордиальном общественном вакууме. Это отсутствие институционального компромисса по поводу эффективных

правил и имплицитное ожидание команды экспертов с рекомендациями, как эффективно выстроить институциональную систему.

Представляется сомнительным рассматривать социальных агентов как своеобразных «хищников», рыскающих по округе в поисках ресурсов с сомнительным статусом владения, пользования и распоряжения, чтобы их сверхэксплуатировать безотносительно того, насколько серьезными будут негативные последствия как для всего сообщества, так и для конкретного индивида, который предпочел не кооперацию, а оппортунизм. Поскольку социальное взаимодействие в рамках локального социума невозможно свести к нулю, очевидно, что невозможно полностью разрушить социальное доверие и уничтожить межличностный капитал. Даже в ситуациях жесткой деградации социально-экономических систем (например, образование свалки на месте бывшего пастбища) неизбежно возникновение регулирующих институтов (отвечающих, кто и как должен использовать возникшую свалку, какие отходы допустимо складировать и пр.), которые по своей природе мало чем отличаются от институтов кооперации и сотрудничества по поводу общего ресурса с позитивными экстерналиями. Лишь физическое исчезновение сообщества может необратимо уничтожить институциональное пространство.

Э. Остром и ее коллеги по Блумингтонской школе сделали следующий вывод: не допустить ситуаций экстенсивного и бесконтрольного использования общих ресурсов и связанных с этим распада социальных связей внутри общества может четкая конфигурация институциональных отношений. Она включает создание определенных институтов, которые неоинституционалисты (Crawford and Ostrom 2005: 137–174) называют правилами входа и выхода, правилами агрегации (т. е. правилами создания партикулярных обобщений), процедурными и информационными правилами, правилами распределения полномочий и мониторинга с соответствующим наказанием виновных в их несоблюдении. Институты являются мощным «буфером» против возможных рискогенных событий, помогая индивидам осознавать последствия возможных действий или значение изменяющихся в будущем ситуаций.

Создаваемые институты могут носить полицентричный характер. Полицентричность — одна из ключевых категорий Блумингтонской школы, разработанная мужем Э. Остром — Винсентом Остромом (Ostrom 2010b: 401–44). Это социальная ситуация отсутствия внешнего контролера, когда функции контроля диссеминируются так, чтобы обеспечить институциональное равновесие и взаимное соблюдение членами социума принятых на себя обязательств. Для решения социальных дилемм необходим баланс между институциональным развитием и стабильностью, чтобы не допустить остификации социальной системы. Необходимо также учитывать институциональные издержки. Это издержки трансмиссии институтов в генерационном и / или территориальном отношениях, а также трансформации институтов.

Плотная институциональная сеть в некоторых случаях может быть избыточной, поскольку «избыточность — главный ресурс замены неработающих функций» (Levin 1999: 202–3). Четко структурированные институты могут не допустить или, как минимум, смягчить негативные социальные и экологиче-

ские последствия трагедии «общих выпасов». Это понятие означает агрегированную совокупность ситуаций, когда индивидуальное эгоистичное поведение приводит к разрушению самого пространства, в котором индивидуальный эгоизм возможен.

Определив рамочную методологическую конструкцию и успешно апробировав ее на социально-экологических процессах, исследователи постепенно расширили предметное поле неинституционального интереса. Социологи стали анализировать знания (Hess et al. 2007), нормы обычного права (Orebeck et al. 2005), глобальные климатические изменения (Ostrom 2012b: 353–69), здравоохранение (McGinnis and Brink 2012), социальные идеи и артефакты (Hess and Ostrom 2003: 111–45), информацию (Shiffman 2013: 92–112), науку (включая научные публикации и доступ к научной информации) (Ostrom, Hess 2004), Интернет и виртуальное пространство (Schweik and English 2012), социально-технические системы (дороги, электростанции, коммунальные службы и т. д.) (Blomkvist et al. 2013), этничность (Барбашин 2012b) и пр. Общим ресурсом может выступить даже сам неинституционализм (Барбашин 2012a: 171–176).

Исследования общих ресурсов столь сильно расширились за последнюю четверть века, что точное определение становится затруднительным. Под ним обычно понимают всю целостность финансового, человеческого, физического и социального капитала, который можно использовать и который для сохранения нуждается в институциональном регулировании.

Само наличие большого количества вариантов общих ресурсов показывает, что их существование — не вопрос социальной или физической реальности. Они могут приводить как к позитивным, так и к негативным экстерналиям, как к сотрудничеству и кооперации, так и к разрушению социального доверия. Общий ресурс — это скорее характеристика паттерна институциональных отношений между взаимодействующими социальными агентами по поводу практически любого физического или социального объекта с соответствующими проблемами регулирования, использования и мониторинга и санкционирования.

Не решенными в современных неинституциональных исследованиях остаются несколько вопросов.

Во-первых, это вопросы определения социальных дилемм и общих ресурсов. Эти понятия продолжают оставаться неоправданно расширенными.

Во-вторых, практически не анализируется проблема устойчивости институтов. Если исследователи приносят в сообщество новые институты или если сообщества самостоятельно создают эти институты, опираясь как на консультации, так и книги ученых, не понятно, что происходит с прежними некооперативными правилами поведения: забывают ли о них и они становятся историей, которая будет передаваться через поколения, или подобные правила становятся временно неактивными, находясь как бы «в тени», но при первом удобном случае реактивизируются. По крайней мере, анализ этносоциальных процессов на Северном Кавказе позволяет достаточно четко диагностировать «институциональные следы» предшествующих эпох как советского, так и дореволюци-

онного периодов в виде «остатков» правовых систем адатов и шариата (Vabich 2007: 19–28). Кроме того, во внимание редко принимается тот факт, что институты являются объектом постоянной политической и социальной борьбы и соперничества как внутри сообщества, так и за его пределами, и структурирование институтов — это не столько задача достижения экономической целесообразности, сколько проблема социального доминирования.

Третья не решенная проблема — концептуализация процессов распада институтов (Барбашин 2012с: 1379–1382). Неоинституционалисты в основном анализируют социально-экологические ситуации с нулевой первоначальной деградацией, которая потенциально может трансформироваться в негативном направлении, если социальные агенты совместно не установят набор общих институтов по использованию этого ресурса, а также контролем и мониторингом над поведением друг друга. Тем самым будет частично снижена потенциальная опасность социальных дилемм «безбилетника», а значит, снижается вероятность того, что у участвующих социальных агентов возникнет внутренняя мотивация к оппортунизму, т. е. к односторонним эгоистичным (хотя и рациональным в рыночном смысле) бихевиоральным действиям. В идеале считается, что созданный институциональный паттерн, представляющий собой взаимосвязанную систему правил по определению круга доступа к ресурсу, объемов его использования, распределения власти и мониторинга, позволит сохранить локальную социально-экологическую систему в состоянии устойчивого равновесия неопределенно долго.

Однако до сих пор не ясно, насколько принятые сообществом правила по поводу общего ресурса могут создать ситуацию устойчивого ресурсного воспроизводства и восстановления разрушенных социальных систем. Не выясненными остаются и социальные процессы трансформации институтов из динамического равновесия с позитивными гнездовыми экстерналиями в неравновесное состояние с негативными гнездовыми экстерналиями, девиантными и неэффективными институтами.

Иными словами, не выясненной является трансформация институционального пространства. Если вместо поляны, на которую фермеры выводят пастись коров (что провоцирует трагедию общинных выпасов в классическом неоинституциональном понимании (Ostrom 2008с), расположена свалка, куда те же фермеры сбрасывают отходы от сельскохозяйственной деятельности, свидетельствует ли подобная деформированная социально-экологическая система об отсутствии социального доверия, слабости институционального капитала и социетальных горизонтальных связей? Или эта форма организации институциональных отношений подразумевает как экономический рационализм (поскольку отходы нужно как-то утилизировать с минимальными издержками), так и сложную систему институциональных договоренностей (кто выбрасывает мусор, сколько мусора нужно выбрасывать, что делать с крупногабаритным мусором, кто следит за ее состоянием, используется ли факт нахождения свалки как средство для оказания давления на органы власти и пр.)?

С 1970-х гг. неоинституционализм Блумингтонской школы стал важным рефлексированным методологическим ответом на вопрос — как удержать

социальную, экономическую и экологическую ситуацию в традиционных сообществах в стабильности в условиях социетальной неопределенности, не прибегая к дискредитировавшим себя политическим и экономическим инструментам приватизации, монетизации и пр. Концепции и идеи, первоначально казавшиеся маргинальными, уверенно вошли в мейнстрим современного общественного знания. Но еще предстоит многое сделать.

Литература

Барбашин М.Ю. Институциональная демократия и социальные дилеммы: опыт постсоветских трансформаций. Saarbrücken, Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.

Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2012б.

Барбашин М.Ю. Институциональный распад в социально-политических этногенезисных процессах // Вестник Башкирского университета, 2012с, 17(3), с. 1379–1382.

Барбашин М.Ю. Методологические и концептуальные возможности неинституционального подхода в современных этносоциальных исследованиях // Историческая и социально-образовательная мысль, 2012а, 3, с. 171–176.

Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2004.

Капелюшников Р.Н. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике — 2009 // Экономический журнал ВШЭ, 2010, 1, с. 12–15.

Щербак А. «Нефтяное проклятие» и постсоветские режимы: политико-экономический анализ // Общественные науки и современность, 2007, 1, с. 47–56.

Agrawal A. Sustainable Governance of Common-Pool Resources: Context, Methods and Politics, *Annual Review of Anthropology*, 2003, 32, pp. 243–262.

Agrawal A., Ostrom E. Political Science and Conservation Biology: A Dialog of the Deaf, *Conservation Biology*, 2006, 20(3), June, pp. 681–682.

Ahn T.K., Ostrom E., Schmidt D., Shupp R., Walker J. Dilemma Games: Game Parameters and Matching Protocols, *Journal of Economic Behavior and Organization*, 2001, 46, pp. 355–377.

Babich I. Islam and the Legal System in the Northwestern Caucasus, in: *Ethno-nationalism, Islam and the State in the Caucasus: Post-Soviet Disorder*, ed. by M. Gammer. London and New York: Routledge, 2007, pp. 19–28.

Barthel S., Folke C., Colding J. Social-ecological Memory in Urban Gardens — Retaining the Capacity for Management of Ecosystem Services, *Global Environmental Change*, 2010, 20(2), pp. 255–265.

Beckerman S., Valentine P. On Native American Conservation and the Tragedy of Commons, *Current Anthropology*, 1996, 37(4), pp. 659–661.

Blomkvist P., Larsson J. An Analytical Framework for Common-pool Resource-large Technical System (CPR-LTS) Constellations, *International Journal of the Commons*, 2013, 7(1), pp. 130–145.

Blomquist W., Ostrom E. Deliberation, Learning, and Institutional Change: The Evolution of Institutions in Judicial Settings, *Constitutional Political Economy*, 2008, 19(3), pp. 180–202.

Colding J. Creating Incentives for Increased Public Engagement in Ecosystem Management through Urban Commons, in: *Adapting Institutions: Governance, Complexity and Social-ecological Resilience*, eds. Emily B., Folke C. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011, pp. 101–124.

Cole D., Grossman P. Institutions Matter! Why the Herder Problem is not a Prisoner's Dilemma, *Theory and Decision*, 2010, 69(2), pp. 219–231.

Crawford S.E.S., Ostrom E. A Grammar of Institutions, in: *Understanding Institutional Diversity*, ed. Ostrom E. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005, pp. 137–174.

Fine G.A., Gusfield J.R. (eds.) *A Second Chicago School? The Development of a Postwar American Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Ghate R., Ghate S., Ostrom E. Can Communities Plan, Grow and Sustainably Harvest from Forests?, *Economic and Political Weekly*, 2013, 48(8), February 23, pp. 59–67.

Guttman J.M. Can Political Entrepreneurs Solve the Free-Rider Problem?, *Journal of Economic Behavior and Organization*, 1982, 3, pp. 357–366.

Hess C., Ostrom E. Ideas, Artifacts and Facilities: Information as a Common-Pool Resources, *Law and Contemporary Problems*, 2003, 66(1-2), pp. 111–145.

Hess C., Ostrom E. (eds.) *Understanding Knowledge as a Commons: From Theory to Practice*. MA: MIT Press. 2007.

Janssen M., Holchan R., Lee A., Ostrom E. Lab Experiments for the Study of Social-Ecological Systems, *Science*, 2010, 328(5978), pp. 613–617.

Levin S. *Fragile Dominion: Complexity and the Commons*. Reading, MA: Perseus Books. 1999, pp. 202–203.

McGinnis M. *Dilemmas of Global Response to Conflict: Lessons from the Horn of Africa*. Bloomington: Indiana University, Workshop in Political Theory and Policy Analysis. 2005.

McGinnis M.D., Brink C.A. *Shared Stewardship of a Health Commons: Examples and Opportunities from Grand Junction*, Colorado, Workshop in Political Theory and Policy Analysis Paper. 2012. May 17, pp. 1–12.

McGinnis M., Ostrom E. Institutional Analysis and Global Climate Change: Design Principles for Robust International Regimes, in: *Global Climate Change: Social and Economic Research Issues*, ed. Rice M., Snow J., Jacobson H. Proceedings of a Conference Held at Argonne National Laboratory, Chicago, IL, 1992. February 11–13, pp. 45–85.

McGinnis M., Williams J.T. *Compound Dilemmas: Democracy, Collective Action and Superpower Rivalry*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 2001.

Myerson R.B. Nash Equilibrium and the History of Economic Theory, *Journal of Political Economy*, 81, 1999, pp. 1283–1308.

Myint T. *Governing International Rivers: Polycentric Politics in the Mekong and the Rhine*. Northampton, MA: Edward Elgar. 2012.

Netting R.M. *Balancing on an Alp: Ecological Change and Continuity in a Swiss mountain Community*. New York: Cambridge University Press. 1981.

Orebech P., Bosselman F., Bjarup J., Callies D., Chanock M., Petersen H. *The Role of Customary Law in Sustainable Development*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005.

Ostrom E. An Alternative Perspective on Democratic Dilemmas, *Policy Studies Review*, 1985a, 4(3), February, pp. 412–416.

Ostrom E. Some Reflections on Urban Pathologies, in: *Pathologies of Urban Processes*, ed. Haynes K.E., Kuklinski A., Kultalahti O. Finland: Finn publishers, 1985b, pp. 69–72.

Ostrom E. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action, *American Political Science Review*, 1998, 92, 1, pp. 56.

Ostrom E. Institutional Rational Choice: An Assessment of the Institutional Analysis and Development Framework, *Theories of the Policy Process*, ed. Sabatier P.A. Boulder, CO: Westview Press, 1999, pp. 35–71.

Ostrom E. Private and Common Property Rights, in: *Encyclopedia of Law and Economics, vol. II. Civil Law and Economics*, ed. Bouckaert B., Geest G.D. Cheltenham, England: Edward Elgar. 2000, pp. 332–79.

Ostrom E. Social Dilemmas and Human Behavior, in: *Economics in Nature: Social Dilemmas, Mate Choice and Biological Markets*, ed. Noe R., Hooff J. A.R.A.M. V. and Hammerstein P. Cambridge: Cambridge University Press. 2001, pp. 21–41.

Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.

Ostrom E. A Diagnostic Approach for Going beyond Panaceas, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2007, 104(39), pp. 15181–15187.

Ostrom E. Frameworks and Theories of Environmental Change, *Global Environmental Change*, 2008a, 18(2), May, pp. 249–252.

Ostrom E. Tragedy of the Ecological Commons, in: *Encyclopedia of Ecology*, 1st edition, ed. Jorgensen S.E., Fath B.D. Oxford: Elsevier, 2008b, pp. 3573–3576.

Ostrom E. Tragedy of the Commons, in: *The New Palgrave Dictionary of Economics*, 2nd ed., ed. S. Durlauf, L. Blume. New York: Palgrave Macmillan, 2008c, pp. 3573–3576.

Ostrom E. A General Framework for Analyzing Sustainability of Social-Ecological Systems, *Science*. 2009b, 325(5939), July 24, pp. 419–422.

Ostrom E. A Polycentric Approach for Coping with Climate Change, *Policy Research Working Paper No. 5095. Background paper to the 2010 World Development Report*. Washington, DC: The World Bank. 2009a, pp. 1–15.

Ostrom E. Analyzing Collective Action, *Agricultural Economics*, 41(S1), 2010, November, pp. 155–166.

Ostrom E. A Multi-Scale Approach to Coping with Climate Change and Other Collective Action Problems, *Solutions*, 2010a, 1(2), pp. 27–36.

Ostrom E. Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems, in: *Les Prix Nobel 2009. The Nobel Foundation*. Västerås, Sweden: Edita Västra Aros, 2010b, pp. 401–444.

Ostrom E. Background on the Institutional Analysis and Development Framework, *Policy Studies Journal*, 2011, 39(1), pp. 7–27.

Ostrom E. Coevolving Relationships between Political Science and Economics, *RMM (Rationality, Markets and Morals)*, 2012a, 3, pp. 51–65.

Ostrom E. Nested Externalities and Polycentric Institutions: Must We Wait for Global Solutions to Climate Change before Taking Actions at Other Scales?, *Economic Theory*, 2012b, 49(2), pp. 353–369.

Ostrom E., Ahn T.K. A Social Science Perspective on Social Capital: Social Capital and Collective Action, in: *Social Capital, Conceptual Explorations*. Ostrom E., Ahn T.K., Dizzorro A., Warren M.E. Russel Papers Civic Series, 1. Exeter, UK: University of Exeter. 2002, pp. 8–56.

Ostrom E., Baugh W., Guarasci R., Parks R.B., Whitaker G.P. Community Organization and the Provision of Police Services, *Sage Professional Papers in Administrative and Police Studies*, 03-001. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1973.

Ostrom E., Cox J., Sadiraj V., Walker J. Provision versus Appropriation in Symmetric and Asymmetric Social Dilemmas, *Southern Economic Journal*, 2013, 79(3), January, pp. 496–512.

Ostrom E., Evans T., Gibson C. Scaling Issues with Social Data in Integrated Assessment Modeling, *Integrated Assessment*, 2002, 3(2–3), pp. 135–150.

Ostrom E., Gibson C., Andersson K., Shivakumar S. *The Samaritan's Dilemma: The Political Economy of Development Aid*. Cambridge: Oxford University Press. 2005a.

Ostrom E., Hess C. A Framework for Analyzing Scholarly Communication as a Commons. Paper presented at the “Workshop on Scholarly Communication as a Commons”, in: *Workshop in Political Theory and Policy Analysis*, Indiana University. 2004. March 31–April 2, pp. 1–15.

Ostrom E., Hess C. A Framework for Analyzing the Microbiological Commons, *International Social Science Journal*, 2006, 188, June, pp. 335–349.

Ostrom E., Schlager E. Property-Rights Regimes and Coastal Fisheries: An Empirical Analysis, in: *The Political Economy of Customs and Culture: Informal Solutions to the Commons Problem*, ed. Anderson T.L., Simmons R.T. Lanham, MD: Rowman and Littlefield. 1993, pp. 13–41.

Paul D.A. Institutional and Stakeholder Mapping: Frameworks for Policy Analysis and Institutional Change, *Public Organization Review*, 2006, 6(1), March, pp. 79–90.

Poteete A. Levels, Scales, Linkages, and Other “Multiples” Affecting Natural Resources, *International Journal of the Commons*, 2012, 6(2), August, pp. 134–150.

Rabinowitz D. Residual Residential Space as Commons, *International Journal of the Commons*, 2012, 6(2), August, pp. 302–318.

Schweik C., English R. *Internet Success: a Study of Open-Source Software Commons*. Cambridge, MA: MIT Press. 2012.

Shiffman G.M. Crowdsourcing Cyber Security: a Property Rights View of Exclusion and Theft on the Information Commons, *International Journal of the Commons*, 2013, 7(1), February, pp. 92–112.

Singleton S., Taylor M. Common Property, Collective Action and Community, *Journal of Theoretical Politics*, 1992, 4(3), pp. 309–324.